

Заканчивается век, и многие газеты спешат подвести итоги, проводят рейтинги, чтобы определить лучших писателей, актеров, книги, фильмы века. Не включаясь в эту игру, можно с определенностью сказать, что среди драматургов имя Евгения Шварца занимает одно из первых мест не только в уходящем веке, но вообще в отечественной литературе, а фильм «Золушка», снятый по его сценарию и ни разу за 52 года не отмеченный ни одной премией, завоевал любовь зрителей на все времена. Хрестоматийную сказку о торжестве добродетели и наказанном пороке Шварц превратил в волшебную историю о том, какие чудеса может сотворить любовь. Так на свет появился Мальчик-Паж. Влюбившись в Золушку, он дарит ей хрустальные туфельки, приносящие счастье. Работа над фильмом началась в 1945 году. «Золушка» должна была стать еще одной победой великой страны. Подготовительный процесс проходил с невиданным размахом. На фильм было выделено 7 миллионов рублей (при обычной смете 2-3 миллиона). Планировалось, что он станет первой цветной картиной. За рубежом была закуплена дорогая пленка. В мастерских по эскизам Николая Акимова изготавливались декорации: дворцовое убранство, кареты, целый лес искусственных деревьев. Из трофейной парчи и бархата шились роскошные костюмы. Все роли были распределены заранее. Не хватало только Мальчика-Пажа, которого должны были выбрать среди ленинградских школьников. Был объявлен конкурс. В нем приняло участие 25 тысяч детей. Наконец, после шести месяцев плодотворной работы выбрали одного. Пажом стал Игорь Клименков.

— **Игорь Афанасьевич, как вы узнали о проходящем конкурсе?**

— Честно говоря, я ничего и не знал, да и вообще был мальчиком тихим, застенчивым и больше всего на свете любил читать. Однажды (мне было одиннадцать лет), когда я сидел в библиотеке, ко мне подошел человек и стал что-то говорить. Но я не слушал его и ждал только, когда он оставит меня в покое. И тогда, поняв, видимо, что толку от меня не добьешься, человек сунул мне в карманчик записку: передай родителям. А я про нее забыл. Прошло какое-то время, мать взяла стирать рубашку и нашла записку. Это оказалось приглашение на пробы на роль пажа в фильме «Золушка». Я совершенно не хотел сниматься, но мой отец, который был скрипачом в оркестре на радио, знал толк в кино и сразу понял, что съемки — это хорошие деньги. Он заставил меня учить басни, хотя я и сопротивлялся этому. Отбор продолжался в течение полугода, и наконец объявили, что сниматься будет Боря Архангельский. Я был счастлив! Бежал домой вприпрыжку. Но через два месяца к нам вновь пришел тот молодой человек и сказал отцу: «Пойдемте заключать договор! На роль утвердили вашего сына».

— **С этого момента вы, вероятно, сразу стали популярной личностью, и в школе к вам было особое отношение?**

— Особое! Только со знаком «минус». Пацаны меня по голове хлопали и «артистом» обзывали. В те времена, если ты чем-то выделялся среди других, — это было почти преступление. Представьте себе: к школе подъезжает «виллис» и увозит меня на виду у всех, я мог безнаказанно уходить с уроков. И уж педагоги мне этого не прощали: ставили двойки и вообще измывались надо мной, как только могли. Учитель физики всегда встречал меня словами: «А! Смотрите-ка, Клименков появился! Ну где ж ты был? Все фотографировался?» А словесник шутил по-другому: «Так вот, товарищи, захожу я сейчас в пионерскую комнату. Открываю газету, и на меня смотрит, кто бы вы думали? Клименков. В роли. Ну прямо, как Качалов. Прихожу в класс — а он и тут сидит и смотрит на меня. Посмотрите, как он смотрит!» А я стою перед ним, как мокрая курица и знаю, что он меня обязательно вызовет и будет потешаться надо мной, потому что я толком не выучил урок.

КОНЕЦ XX ВЕКУ



конце концов мне повезло его найти.

— И что, действительно это была такая дорогая вещь?

— Трудно сказать. Конечно, ей он был дорог. Наверное, она получила его в подарок. Он был такой массивный, мне показалось, что чугунный. И там был камень с какими-то непонятными знаками.

плакали. Словно только вчера премьеры «Золушки» была, а не полвека назад.

— «Золушка» после выхода на экраны была сразу окружена вниманием зрителей. И даже стала первым в истории фильмом, единогласно принятым худсоветом, вопреки мнению министра кинематографии, который посчитал картину «скудной и космополитичной».

— Успех, действительно, был огромен. Премьера состоялась в начале мая 47-го года, в Ленинг-

троил на студии сцену. И меня выгнали из картины. Ну и слава Богу! Так и закончилось мое кино.

Попыток вернуться в кино Игорь Афанасьевич делать не стал. Заманчивой актерской карьерой он предпочел прозаическую профессию учителя. Поступил в педагогический институт и увлекся гитарой. Начал преподавать, а так как гитара тогда была на нелегальном положении и ее трудно было купить в магазине, он стал делать инструменты для своих учеников.

самбле, танцевать, петь, мастерить инструменты. Сказано-сделано: у школы уже появилось помещение, идет набор педагогов, оборудуются классы. «Да вот только беда, — говорит Игорь Афанасьевич, — зрение у меня падает катастрофически. Правда, и в этом есть какая-то «прелесть». Вечером, когда зажигают фонари, вместо отдельных световых точек я вижу целые гирлянды. Словно круглый год Рождество встречаю». На вопрос, не чув-

ЗОЛУШКА

или

История Мальчика-Пажа, рассказанная им самим

— Вы свободно чувствовали себя на съемочной площадке?

— О, да! Я купался в этой благодати. Меня все любили. Я был там, как сын полка. Фаина Георгиевна Раневская часто сажала меня на колени и подкармливала бутербродами. «Бедный ребенок, — говорила она, — он совершенно голоден. Кушай, моя детка. Вы посмотрите, до чего довели мальчика! Хэраст, ты не слышишь? (Это она обращалась к Гарину.) Дай мне вон ту булочку. Ребенок упадет сейчас в голодный обморок». И вдруг бац его по физиономии: «Не смей выражаться при ребенке». А вот Меркурьев у меня постоянно стрелял пятачком, потому что любил пропустить рюмочку. А мне было лестно ему угодить.

— По-моему, с Бахусом дружил не только Меркурьев. Шварц говорил о Гарине: «Всегда опьянен, не может без этого жить. Если не опьяняется душа сама собой, то принимает он с утра свои полтора часа, и еще, и еще, и еще».

— О! Гарин был виртуоз в этой области. Трезвым я его не помню. А пьяненьким он был совершенно великолепен. Однажды во время съемок сцены бала, где задействована огромная массовка и нужно поставить свет, одновременно все сделать, не дай Бог кто-то отойдет... И тут Шапиро из себя вышел. Он орал, помрежи бегали. И вдруг в самый последний момент, когда все было налажено, — нет короля. Где Эраст Павлович? Где король? Все побежали. Нет его! На студии нет короля! Куда он делся? Наконец, помреж Вайнштейн смекнул, где может быть Гарин. Он прибежал и говорит: «Слушайте, я ничего не могу сделать. Он на соседней улице в пивной сидит на бочке в мантии, в короне. И вся пивная пьет за здоровье короля. Когда я сунул его позвать, меня эти ханжи чуть не избili». Туда определили эскорт, и короля принесли просто на руках. А он восхитительно хохотал!

— Вы вспоминаете Шапиро, а какую же роль на съемках играла Кошеровова?

— Шапиро был вторым режиссером, помощником Кошерововой, но над фильмом работал в основном он. Надежда Николаевна была вальяжная дама и не очень усердствовала на площадке. Приходила, когда уже все было готово, чтобы утвердить. А придумал фильм Акимов, он и собрал вокруг себя всю творческую группу, в которую попали даже две его жены: Кошеровова бывшая, а Юнгер к тому времени настоящая.

— У Шварца есть запись: «Золушку» планируем снимать в Праге»...

— Да нет. Никакой Праги. «Золушку» полностью сняли в павильоне. Хотя было два дня натурных съемок в Риге, да и то один из них был целиком потрачен на поиски кольца Раневской, которое она уронила где-то в траве. Это была такая истерика! Вся съемочная группа рыскала, ползала. А она кричала: «Это древний масонский перстень! Он один стоит всего вашего... фильма!» В

— У вас сложились с кем-нибудь особенные отношения на съемках?

— У нас был замечательный, дружный коллектив. Но особенно я обожал Янину Болиславовну Жеймо. И не только в жизни. Ведь в пьесе Шварца Мальчик-Паж тоже влюблен в Золушку, и он говорит: «Я не волшебник, я только учусь, но любовь помогает нам делать настоящие чудеса». Правда, «любовь» худсовет не пропустил, мол, какая может быть любовь в пионерском возрасте, и заменили на «дружбу». В Жеймо нельзя было не влюбиться! Она была, как девочка. И хотя ей тогда было тридцать восемь лет, но в ее характере было что-то детское, незащищенное, кроткое. В перерывах между съемками мы забирались с ней в карету, и я рассказывал ей обо всем, что меня интересовало. Она курила свою беломорину и внимательно меня слушала.

— Вы встречались с ней после выхода фильма?

— Нет. Встретиться нам больше не довелось. Спустя какое-то время она уехала в Варшаву. Ведь Жеймо из потомственной семьи польских акробатов, и ей захотелось вернуться на Родину. Там она и умерла, а похоронили ее на Новодевичьем кладбище, в Москве, по завещанию.

— А с другими участниками общались?

— Конечно. Со многими. Вот, например, добрая фея — Варвара Сергеевна Мясникова (кстати, она была женой одного из братьев Васильевых и в «Чапаеве» играла Анку-пулеметчицу) устроила меня в кружок балетных танцев при Доме кино, она там была заведующей детским сектором. С Гариним я часто встречался, когда он приезжал в Ленинград из Москвы. Он интересовался моими делами, какие-то советы давал. А с Акимовым у меня сложились творческие отношения: какое-то время я работал у него в Театре Комедии в оркестре — играл на гитаре. И вообще все эти годы я старался никого не упускать из виду. Но только вот месяц назад я приехал в Петербург в день, когда хоронили Шапиро. Позвонил Юнгер, оказалось, что и она умерла два месяца назад. Так что из всего коллектива я теперь остался один.

— Два года назад «Золушке» исполнилось пятьдесят лет. Это событие было кем-нибудь замечено?

— К этой дате Андрис Лиена сделал передачу на Петербургском телевидении. Впрочем, он сделал ее не только в память о фильме, но и в память о Рудольфе Нуриеве, которого часто навещал в Париже. Однажды Нуриев сказал Андрису, что очень тоскует по своему любимому фильму — «Золушке» и мечтает его посмотреть. Лиена, конечно же, пообещал привезти картину, но не успел. Нуриев умер... Андрис разыскал всех, кто оставался в живых. Нашел даже меня, хотя я в то время жил в Москве и практически никто не знал моего адреса. Реакция на передачу была совершенно невообразимая: на другой день нас буквально засыпали цветами. Люди приезжали в студию, благодарили,



раде, в Доме кино. Я помню рукоплещущий зал и море тюльпанов. Нас принимали, как челюскинцев. Весь город был обклеен афишами. Из Москвы приходили пачки поздравительных телеграмм. Одну из них директор «Ленфильма» Готов даже приказал переписать на огромный плакат. Аршинными буквами там было написано: «Золушка — победа «Ленфильма» и всей советской кинематографии!» Помню, как Сергей Филиппов заметил: «У меня хоть и маленькая роль, но я чувствую себя большим человеком». То же самое можно было сказать о каждом из нас.

— После «Золушки» вы активно снимались в детских фильмах. И вдруг исчезли с экрана. Что помешало вам продолжить актерскую карьеру?

— Честно говоря, я никогда не испытывал особой тяги к этой профессии. А окончательный разрыв с кино у меня произошел на фильме «Звездочка», куда меня пригласили на роль героя. Пришел я на пробы. Там уже сидело человек пять мальчишек и девочка. И она меня совершенно поразила: я вспомнил Жеймо. Я моментально влюбился. Мне было шестнадцать лет. Ей уже двадцать. Она заканчивала театральный институт в Москве. Это был ее первый фильм.

— А как ее звали?

— Ее звали Надежда Румянцова. После репетиции я вызвался ее проводить, и оказалось, что она живет неподалеку от моего дома, в гостинице «Октябрьская». Конечно же, я напросился в гости. Так я стал ее мальчиком-пажом, всячески ее опекал, из дома для нее даже подогретое молоко носил. Вскоре я объяснился ей в любви. Но в актерской среде не так все просто. Вокруг нее вились поклонники, и я понимал, что она меня, хоть и не гонит, но совершенно ни в грош не ставит. Я переживал, сорвался: ус-

Сегодня Клименков — известный гитарный мастер, один из лучших в стране. Его имя можно найти в «Энциклопедии гитарного искусства» и других специальных изданиях. В его архиве хранится фотография Марии Луизы Аниды, аргентинской королевы гитары, на которой она написала: «Считаю, что гитара, сделанная руками Игоря, является одним из лучших инструментов, на которых я когда-либо играла».

Из чего только не приходилось ему делать гитары: из старых ролей, из антикварной мебели и даже из ломберного столика графа Шереметьева, который был изготовлен в XVIII веке на заказ в Китае. Мастера не оставила историческая ценность предмета, ведь он был сделан из самого лучшего для гитары дерева — палисандра. За свою долгую жизнь Клименков создал всего 15 инструментов. И сегодня, работая над гитарой, мечтает, чтобы она ожила в руках у выдающегося музыканта Александра Фраучи, создателя Московской школы гитары. Для работы Игорю Афанасьевичу не требуется особых приспособлений и мастерской — только нехитрый набор инструментов и рабочий стол. Потому что он считает, что все можно сделать своими руками, было бы желание. Своими руками он создал кукольный театр, потому что о нем мечтала его молодая жена. Этот театр живет уже тридцать лет. Сегодня Клименков увлечен новой идеей: он организует школу искусств, в которой хочет объединить весь накопленный за долгую жизнь опыт. Он уверен, что дети должны не просто учиться музыке, но и одновременно играть в ан-

стует ли он себя волшебником, отвечает: «А волшебство сама жизнь создает! Но как только я посчитаю себя важным и значительным, то все пропало. Просто нужно учиться каждый день, каждую минуту. Много лет назад я понял, что нет для меня в жизни ничего интереснее, чем приносить людям радость. А для того, чтобы делать чудеса, вовсе не обязательно быть волшебником».

Андрей НЕДЗВЕЦКИЙ

P.S. от редакции

После нашей встречи редакция настояла на том, чтобы Игорь Афанасьевич, который практически потерял зрение, обратился за помощью в институт Святослава Федорова. Врачи поставили диагноз: прогрессирующая катаракта. Зрения всего 2%. Для восстановления зрения требуется операция, стоимость которой — 600 долларов. Таковы реалии уходящего века.

Часть средств, полученных от реализации этого номера, будет переведена на счет И.А.Клименкова. Оказать существенную помощь герою нашей публикации, может каждый из читателей, перечислив через сберкасса на его личный счет даже 5-10 рублей.

В квитанции укажите следующие реквизиты:

Клименкову
Игорю Афанасьевичу
Лицевой счет
№ 42601810938100100133
Хамовническое ОСБ 7812/048
г. Москвы, ИНН 7704019064
р/с 30301810238000603810
Банк получателя: МБ АК СБ РФ
к/с 30101810600000000342
БИК 044525342

Если эти реквизиты показались вам слишком сложными, возьмите газету с собой в сберкасса. Оформить квитанцию вам помогут работники банка.